

ЛАРС СВЕНДСЕН

ФИЛОСОФИЯ СТРАХА

Ларс Свендсен

Философия страха

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2684395

*Философия страха / Пер. с норв. Н.В. Шинкаренко.: Прогресс-Традиция; Москва; 2010
ISBN 978-5-89826-350-8*

Аннотация

В своей книге «Философия страха» норвежский философ Ларс Свендсен утверждает, что страх проник всюду – он властвует и в частной жизни человека, и в жизни общества. СМИ, политики и организации, лоббирующие свои интересы, то и дело предостерегают нас от всевозможных опасностей и угроз, в результате чего многие наши действия подчинены страху.

Автор исследует феномен страха, размышляет о том, почему он отталкивает и в то же время притягивает нас.

Книга заставляет задуматься о последствиях эксплуатации страха в политике и бизнесе, а также о том, к чему может привести чрезмерная концентрация на опасностях, мнимо или реально присутствующих в повседневности.

Содержание

Предисловие переводчика	4
Предисловие	6
Культура страха	8
Что такое страх?	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ларс Свендсен

Философия страха

Единственной страстью моей жизни был страх.
Томас Гоббс

Предисловие переводчика

«Вся наша жизнь пропитана страхом», – пишет философ Ларс Свендсен.

Как возникает страх? В чем проявляется? Какую функцию он выполняет? От чего зависит его появление и интенсивность? И наконец, как он влияет на нашу жизнь?

Литература всех времен и народов изобилует описаниями состояний страха, начиная от смутных покаявающих опасений до панического всепоглощающего ужаса: «закралась тревога», «неопределенный страх», «болезненно-мучительная тревога, перерождавшаяся даже в панический страх», «смотрел с тупым бессмысленным страхом», «страх опять охватил его всего, с ног до головы...», «страх как лед обложил его душу, замучил его, окоченил его...». Воображение читателя живо рисует эти картины, они знакомы и понятны каждому из нас, ведь страх испытывают все. Порой авторы, представляющие совершенно разные культуры, пишущие на разных языках, используют одинаковые, полностью совпадающие образы: побледнеть, онеметь, съежиться от страха, удушливый страх, «волосы зашевелились от страха», «дрожь от страха», и образы эти связаны с физиологическими процессами, которые происходят в организме человека, испытывающего страх. Сегодня нам многое известно о физиологии страха. Нам также известно, что появление страха сигнализирует о некоей угрозе, и его функция заключается в избегании этой угрозы, а также ситуаций, при которых она может возникнуть. Однако, хотя страх – явление общечеловеческое, мы все боимся разного и по-разному. Объединяет нас то, что боимся мы только тогда, когда существует угроза чему-то для нас *значимому*: здоровью, благополучию близких людей, карьере, потери материальных ценностей и др. С другой стороны, важно понимать, что люди боятся по-разному и самых разных вещей, поскольку то, что имеет значение для одного, другому может показаться пустяком. Кроме того, страх может предвосхищать угрозу. Пожилая женщина, убежденная в том, что все подростки – малолетние преступники, будет испытывать страх за собственную жизнь, увидев идущую навстречу компанию молодежи, хотя прямой угрозы для жизни в этой ситуации нет. Таким образом, даже появление, а также интенсивность «универсального» страха потерять жизнь может зависеть не от ситуации, в которой находится индивид, а от его *отношения* к этой ситуации. На то, каким будет это отношение, влияет множество факторов...

Во множестве факторов, воздействующих на человека, пытаются разобраться, в частности, культурологи, антропологи, социологи, физиологи и, конечно, представители различных направлений психологии, которая, как и многие другие науки, многим обязана философии – матери всех наук. Лишь чуть более ста пятидесяти лет назад психология начала обособливаться от философии, хотя, как пишет в своей книге «История психологии» профессор университета Осло Пер Саугстад, такие известные ученые, как РБ. Хегенхан, Зигмунд Кох и Томас Лихи, полагают, что «эмпирическая психология всегда была и остается до сих пор составной частью философии»¹. Сам профессор Саугстад, как и большинство пси-

¹ Пер. на русский Элеоноры Панкратовой. *Per Saugstad «Psykologiens historie – en innføring i moderne psykologi»*, Gyldendal Norsk Forlag, 1996, 2001, 2003.

хологов, относит создание научной эмпирической психологии ко второй половине XIX века. С тех пор психология бурно развивалась, и результаты этого развития сегодня используются в социальных, естественных и технических отраслях знаний.

В «Философии страха» Ларс Свендсен также обращается к достижениям психологической науки, описывая различные подходы к объяснению механизмов возникновения страха у людей (Глава 2: *Что такое страх?*). Однако данная работа не сводится к анализу страха исключительно с точки зрения психологии, имеющей свою задачу, а именно, изучение закономерностей функционирования психики человека. В «Философии страха» вопрос ставится шире, а упоминаемые психологические теории и исследования являются не более чем звеном в цепи аргументов, с помощью которых автор строит свою концепцию. В психологии страх определяется как эмоция, тем не менее автор предпочитает использовать слово «чувство», подчеркивая комплексность рассматриваемого феномена и имея в виду аффективную сферу личности вообще. Кроме того, страх, ставший «обусловленной культурой призмой, сквозь которую мы видим мир», действительно является сложным образованием и не уместается в понятие «эмоция». Поэтому в русском переводе слово «чувство», используемое автором, сохранено везде, кроме главы 2, где рассматриваются психологические теории эмоций и употребление слова «чувство» привело бы к терминологической двусмысленности. В остальном же его употребление вполне согласуется с целью данной книги – объединив важнейшие результаты научного знания, применить интегративный подход в описании и объяснении феноменов, возникающих в обществе, обнаружить тенденции его дальнейшего развития и ответить на главный вопрос: как страх влияет на нашу жизнь? Ведь в современном мире представляет интерес только такое исследование, которое помогает сделать выводы, имеющие значение для настоящего и будущего.

Наргис Шинкаренко

Предисловие

Эта книга есть результат дошедшего до предела раздражения, вызванного во мне неумеренным вторжением страха в нашу жизнь. Книги, написанные под влиянием раздражения, обычно отличаются полемичностью, и эта книга не исключение. Это вызов тенденции видеть всякое явление через призму страха. Парадоксом культуры страха является ее появление именно в то время, когда наша жизнь, судя по всему, стала безопаснее, чем была когда-либо в истории. Одним из важнейших моментов, заставляющих меня выступить против культуры страха, является уничтожение в таком обществе свободы, поэтому можно сказать, что критика, изложенная в этой книге, основана на принципах либерализма.

Может показаться странным, что, написав книгу о нашей жизни в культуре скуки, я пишу книгу о нашей жизни в культуре страха. Оба диагноза нашего современного общества, т. е. страх и скука, на первый взгляд могут показаться противоречащими друг другу. Возможно, мою точку зрения отражает песня группы «De Lillos» «Накрытый страхом с головой» (1997):

Если тебе казалось, что жизнь
Так скучна, так тиха,
То теперь ты устыдишься,
Накрытый страхом с головой.

Если человек «накрыт страхом с головой», он не скучает. Однако всякая жизнь имеет обе эти стороны. В стихотворении «*Dockery and Son*» (1963) Филипп Ларкин, по-видимому, выражает мнение, что оба эти чувства составляют человеческую жизнь: «*Life is first boredom, then fear*»².

Для всякого общества, и не в последнюю очередь для новейшего, характерно множество противоречивых устремлений и явлений. Два феномена, такие, как скука и страх, не только находятся в противоречии друг с другом, но также могут порождать друг друга. Страх – это не только то, от чего мы страдаем против воли, но также и то, чему мы добровольно подвергаем себя, спасаясь от скучной повседневности. Тема этой книги во многом перекликается с темой, обсуждавшейся в «*Философии зла*», где страх рассматривался как один из источников агрессии, направленной против других людей. Однако в «*Философии страха*» вопрос ставится шире, здесь я делаю попытку выявить сущность чувства страха, его роль в современной культуре и, не в последнюю очередь, показать, как оно используется в политике.

Книга состоит из семи глав. В главе 1 кратко описана «культура страха», т. е. причины того, что страх стал своего рода обусловленной культурой призмой, сквозь которую мы видим мир. Глава 2 – это попытка описать суть такого явления, как страх, используя категории нейробиологии, феноменологии и других отраслей знаний. В главе 3 я изучаю роль страха в «обществе риска» и демонстрирую среди прочего, что наши попытки свести риск к минимуму, во многом иррациональны. Глава 4 повествует о том факте, что зачастую мы сознательно ищем острых ощущений – к примеру, занимаясь экстремальным спортом и в развлечениях, – что само по себе парадоксально, ведь обычно мы стараемся избегать того, что внушает страх. В главе 5 рассмотрен феномен доверия, который сходит на нет в культуре страха, что, в свою очередь, приводит к усилению подверженности устрашению. Падение доверия в целом разрушает социальные связи, однако страх может оказывать интегри-

² См. перевод эпиграфов в конце книги после примечания.

рующее воздействие. Эта интегрирующая функция страха является ключевой предпосылкой многих политических философий, таких, как философия Макиавелли и Гоббса, и в главе 6 я обращаюсь к изучению страха как основы политической философии, а также к использованию страха в политических целях, что имело место в «войне против терроризма», ведущейся в последние годы. Наконец, в заключительной главе рассматриваются возможности выхода из состояния запуганности, изменения этого гнетущего климата, в котором мы сейчас живем.

Также косвенно будет затронута тема страха или боязни смерти вообще, поскольку это весьма масштабная тема – так как она требует основательной систематизации наших представлений о смерти, – она не может подробно обсуждаться в данном контексте. Понятие об экзистенциальной тревоге будет рассмотрено также сжато¹. Возникает справедливый вопрос: зачем писать «философию страха», если не страх, а, скорее, тревога традиционно является предметом философских рассуждений? Тогда как экзистенциальной тревоге приписываются серьезные метафизические импликации, страх представляется совершенно тривиальной величиной. Тревога «глубока», а страх «мелок». Как сказал Роланд Барт, страх – «чувство заурядное и недостойное»². Страх, однако, сегодня имеет большие культурные и политические последствия, чем тревога. К тому же гораздо удобнее не таскать за собой «метафизическую поклажу», связанную с понятием «экзистенциальная тревога».

Выражаю благодарность Анне Гранберг, Хельге Йордхейм, Ингрид Санде Ларсен, Томасу Севениусу Нильсену, Эрику Торстенсену, Ингрид Угельвик и Кнуту Улаву Омосу за ряд конструктивных замечаний. Все допущенные ошибки и недочеты, разумеется, лежат целиком и полностью на моей совести.

Ларс Свендсен

Осло, июнь 2007

Культура страха

*Quite an experience, to live in fear, isn't it?
That's what it is to be a slave.**

Репликант Рой Бати, Бегущий по лезвию (1982)

*Oh, Baby, here comes the fear again.
The end is near again**.*

Pulp: "The Fear", This is Hardcore (1998)

Прохождение через систему контроля в аэропорту стало настоящим испытанием. Неужели всего несколько лет назад можно было просто вынуть из карманов мелочь, ключи и пройти через детектор? Я много путешествую, бывает, что улетаю и возвращаюсь в тот же день, в этом случае мой багаж состоит только из пары книг и сумки с бумагами. Однако при мне всегда есть один предмет, который расценивается как источник опасности, – зажигалка. Поэтому каждый раз я должен вынимать ее из кармана, упаковывать в прозрачный пластиковый пакет, отдельно пропускать через просвечивание, и лишь затем я могу снова достать ее из пакета и положить обратно в карман. Если речь идет о длительных поездках, в которые необходимо брать зубную пасту, дезодорант и шампунь, то все, что в широком смысле можно причислить к категории «жидкость», должно быть упаковано в прозрачный пластиковый пакет объемом не более литра, а отдельная емкость не должна превышать 100 граммов. Если у вас есть наполовину наполненный флакон шампуня емкостью 150 граммов, надо предъявить его службе безопасности. И разумеется, можно забыть о том, чтобы взять с собой бутылку воды или вина.

Эти новые правила были введены после того, как осенью 2006 года в Лондоне были раскрыты планы взрыва самолетов с использованием жидких взрывчатых веществ. Другими словами, правила, ежегодно ограничивающие свободу миллионов пассажиров, введены по причине террористической атаки, которая *не* была осуществлена. Тем не менее пассажиры без особых протестов принимают эти ограничения своей свободы. Страх перед терроризмом здесь является своего рода козырем, перед которым пасуют все остальные соображения.

Это всего лишь один пример того, как страх влияет на наше поведение и поступки. Похоже, он проник всюду, в том смысле, что на сегодняшний день едва ли существует какая-либо область общественной жизни, где не принимаются в расчет соображения безопасности. Чувство страха управляет общественным сознанием, и многие социологи считают, что современному обществу лучше всего подходит определение «культура страха»³. Страх превратился в обусловленную культурой призму, сквозь которую мы смотрим на мир.

В «*Tractatus logico-philosophicus*» (1921) Людвиг Витгенштейн пишет: «Мир счастливого, не таков, как мир несчастного»⁴. Несколько перефразировав формулировку Витгенштейна, можно сказать: мир уверенного не таков, как мир запуганного. Жан-Поль Сартр подчеркивает: ощущение полностью меняет мир⁵. Уверенный живет в надежном мире – слово «надежный», по-норвежски «trygg», образовано от древненорвежского «tryggr», что означает «верный, надежный, беззаботный», – в то время как неуверенный живет в мире, который в любой момент может обратиться против, а почва может в любой момент уйти из-под ног. Можно сказать, жить стало страшно. Опасность подстерегает повсюду: на темных улицах и за входной дверью, с чужими и с близкими людьми, таится как в природе, так и в технологиях, внутри организма и во внешних воздействиях. Кажется, что больше не осталось ничего по-настоящему надежного.

Мы боимся столкнуться с внешними силами, которые идут вразрез с нашими устремлениями. Мы боимся потерять то, что для нас важно – свободу, достоинство, здоровье, социальное положение – или в конечном счете потерять жизнь. Мы боимся не только за себя, но и за тех, кто нам дорог. Если что-нибудь из вышеназванного находится под угрозой, то страх является нормальной реакцией. Мы должны защищать себя от такого рода угроз. Ведь человеческая жизнь *уязвима*. Как пишет Монтень, «человек уязвим и поэтому больше склонен бояться и избегать, чем к чему-либо стремиться»⁶. Таким образом, в страхе проявляется нечто основополагающее, и едва ли случайно, что именно чувство страха первым упоминается в *Библии*: когда Адам вкусил от дерева познания и увидел свою наготу, он испугался прежде, чем устыдился⁷. Мы приходим в мир голые и безоружные, и пребываем в этом – относительно большинства животных – беззащитном с точки зрения телесной организации состоянии всю оставшуюся жизнь. Кроме того, наш мир по многим причинам устроен так, что разрушение и страдание воплощаются проще, чем противоположное.

Тем не менее, оптимальность такого отношения к человеческой жизни далеко не бесспорна. Осмелюсь утверждать, что воображаемый риск или одержимость мыслью о возможном риске является большей опасностью, нежели все существующие риски⁸. Суть моей точки зрения заключается не в том, что мы живем в безопасном мире. Например, совершенно очевидно, что глобальное потепление может иметь весьма драматичные последствия для жизни на нашей планете. В большинстве крупных городов необходимо избегать определенных мест в темное время суток, так как велика опасность подвергнуться нападению. Надо смотреть по сторонам, прежде чем переходить на другую сторону улицы. Существует множество явлений, которых нам следует опасаться. Проблема заключается в том, что мы в столь значительной степени склонны воспринимать *все*, руководствуясь страхом.

Если мы проанализируем a-tekst – электронную базу данных газет, то обнаружим серьезное увеличение количества упоминаний слова «страх» за десять лет – от 3331 в 1996 году до 5883 в 2006-м⁹. Очевидным объяснением этой тенденции на первый взгляд кажется террористическая атака 11 сентября, однако любопытно, что увеличение началось задолго до этого нападения. Таким образом, мы можем утверждать, что террористическая атака не только спровоцировала рост уровня запуганности-запугивания, но также и вписалась в уже существующую модель, а количество упоминаний продолжает расти вплоть до сегодняшнего дня. Мы видим подобную тенденцию и в отношении близких по смыслу слов, таких, как, например, «риск», упоминание которого возросло от 2060 в 1996 году до 4731 в 2006-м, т. е. за десять лет более чем в два раза. Эти числа говорят о том, что СМИ постоянно напоминают нам о том, насколько «опасен» мир, – и, кроме того, о том, как мы его боимся. Это ни в коей мере не является чисто норвежским феноменом. Британские газеты позволяют построить еще более выразительную кривую роста, от 2037 упоминаний «опасно» (*at risk*) в 1994 году до 18 003 в 2000-м¹⁰.

Похожая картина появляется во многих других исследованиях. К примеру, в 2005 году Норстат проводил для компании «Siemens» – производителя и поставщика охранного оборудования – исследование: 1000 норвежцев опрашивали, чтобы выяснить, возрос ли у людей за последние годы страх попасть в разного рода неприятности. Результаты были таковы: 51 % опрошенных говорили о том, что стали больше бояться разбойного нападения, 47 % – попасть в автомобильную аварию, 36 % – стать жертвой террористического акта, 26 % стали больше опасаться пожара и 19 % – стихийных бедствий¹¹. Стоит отметить, что больший, по сравнению с мужчинами, рост тревожности наблюдался у женщин.

Мы считаем, что земля, воздух и вода загрязняются все сильнее, что преступность неуклонно растет, что еда по большей части состоит из вредных для здоровья добавок и инсектицидов и т. д. Мы убеждены, что всевозможные опасности подстерегают нас на каж-

дом шагу, они становятся все многочисленней и ужасней. В одном из исследований людей просили оценить степень риска 90 потенциальных источников опасности, от занятия бегом и использования косметики до терроризма и вакцин, и только 25 источников стали казаться менее опасными, в то время как в 62 случаях оценка опасности возросла, причем в 13 из них – в значительной степени¹². Практически любой аналитик, занимающийся факторами риска, подтвердит, что потенциальная опасность большинства предложенных в исследовании предметов, явлений и ситуаций, напротив, существенно уменьшилась. Результаты исследования тем не менее не лгут – вопреки всему большинство людей склонны считать, что сегодня мы подвергаемся большей опасности, чем раньше, а в будущем станет только хуже¹³.

Страх заразителен. Стоит кому-то испугаться чего-либо, как сразу беспокойство распространяется вокруг на других, и те, в свою очередь, передают страх дальше. Это происходит даже в том случае, когда страх изначально не имеет рационального обоснования¹⁴. Тот факт, что многие испытывают страх в отношении некоего явления, не является гарантией того, что это явление действительно представляет опасность.

Запуганное сознание даже вошло в моду, недаром появляются такие обороты, как «*Paranoid Chic*»¹⁵. Пуленепробиваемая одежда, сшитая по последнему слову моды, тоже, вероятно, имеет все шансы на успех¹⁶. В музее современного искусства в Нью-Йорке зимой 2005/06 года проходила выставка «*Safe: Design Takes on Risk*», где все возможные объекты, которые, тем или иным образом защищают нас, были преподнесены как произведения искусства дизайна. В каталоге выставки это формулируется так: «Сегодня простая потребность в защите преобразовалась в сложный мир, который мы именуем модой»¹⁷. Куратор выставки, определяя страх как источник творческого вдохновения, пишет: «Индустрия безопасности находится в непрерывном развитии, особенно это касается повседневной жизни, ведь – поскольку случиться может все что угодно – творческие и коммерческие возможности, которые открывает дизайн, безграничны»¹⁸. Мораль выставки такова: «Отличный дизайн в сочетании с чуткими инстинктами – вот наша самая лучшая гарантия достижения безопасного, более сносного мира»¹⁹. Страх повлиял и на архитектуру, ведь одной из важнейших функций возводящихся зданий стала защита людей от угрозы «извне»²⁰.

Кажется, мы одержимы всеми мыслимыми опасностями. Мы не просто испытываем страх; опасность также может служить неплохим развлечением. Как, например, сериал «*So you think you're safe*», британского телевидения. Это сериал об опасностях, таящихся в повседневной жизни, и обо всех тех несчастьях, которые могут постигнуть современного человека в течение самого обычного дня. Это идеальная передача для продвинутого параноика. Для параноика, не чуждого самоиронии, рекомендуется книга «*I'm afraid, you're afraid*: 448 things to fear and why (2000)», представляющая собой своего рода мини-энциклопедию опасностей повседневности²¹. В последние годы вышло множество книг, повествующих о том, что глобальная катастрофа уже стоит у дверей. Среди наиболее популярных можно выделить «*Collapse: how societies choose to fail or succeed*» (2004) Джареда Даймонда, «*The long emergency: surviving the end of oil, climate change, and other converging catastrophes of the twenty-first century*» (2005) Джеймса Говарда Канслера и «*The winds of change: climate, weather, and the destruction of civilizations*» (2006) Юджина Линдена²². Кроме того, существуют пособия, обучающие действиям, необходимым в условиях разразившейся катастрофы, – «*When technology fails: a manual for self-reliance and planetary survival*» (2000) Мэтью Стайна и «*Crisis preparedness handbook: a complete guide to home storage and physical survival*» (2002) Джека А. Спигарелли²³. Такие книги наталкивают на мысль о том, что апокалипсис не за горами.

Страх также является немаловажным инструментом, используемым властью, политическими партиями и различными союзами и объединениями. Если старая идеология потеряла свою прежнюю силу, страх становится одним из самых эффективных средств воздействия в политических дискуссиях. Страх готовит сознание к восприятию определенной информации, его можно использовать против оппонентов, утверждая опасность их намерений. Тогда дебаты зачастую превращаются в обсуждение того, какой опасностью надо озаботиться в первую очередь.

Такие политические деятели существуют в идеальном симбиозе со средствами массовой информацией, которые, вне всякого сомнения, используют запугивание, чтобы продать газету или привлечь зрителей к экрану телевизора, – именно поэтому новости часто напоминают конкурс страшных историй. Индустрия развлечений тоже включилась в эту кампанию. Фильмы-катастрофы снова популярны. Фильм *«Послезавтра»* (2004) был с одобрением встречен экологами-активистами, ведь он содержал «правильный» посыл, и это несмотря на то, что с научной точки зрения в фильме было допущено максимальное количество ошибок в том, что касается глобального потепления, за исключением совершенно очевидного факта, что существует серьезная экологическая проблема.

В книге о природных катаклизмах *«Enden er ПОг» (Конец близок)* (2006) геолог Хенрик Свенсен пишет:

Если мы заглянем в будущее, то поймем, что стихийных бедствий станет только больше. Изменения климата, спровоцированные человеком, и глобальное потепление приводят к более сильным погодным колебаниям. Ураганы могут стать более свирепыми, оползни – более частыми, наводнения – более разрушительными и периоды засухи – более длительными²⁴.

В приведенном отрывке утверждается то, что природные катаклизмы *могут стать* хуже, и то, что они *станут* хуже, однако между этими высказываниями целая пропасть, ведь одно из них предполагает гипотетическую возможность реализации чего-либо, а другое выражает уверенность в реализации чего-либо. Возможность переходит в реальность, и до тех пор, пока находишься в сфере возможности, все катастрофы находятся в пределах досягаемости.

Сейчас многие факты говорят о том, что мы действительно должны беспокоиться по поводу изменения климата, однако этого не скажешь о бесконечном множестве угроз, которые ежедневно предлагаются нам в новостях. Опасным можно изобразить все что угодно, достаточно предоставлять соответствующую одностороннюю информацию²⁵. СМИ по большей части не проверяют информацию, идущую от идеалистических организаций, даже несмотря на то, что те, вне всякого сомнения, занимаются саморекламой и зачастую их информация далека от объективности²⁶. Разумеется, не каждого человека просто так, без всякой причины, напугают страсти, которые пропагандируются различными объединениями и союзами, однако многие люди безоговорочно принимают утверждения, нуждающиеся в более серьезном обосновании.

Наиболее характерно представление *потенциальных* рисков как *актуальных* угроз. Жизнь полна потенциальных рисков. Кто-то может толкнуть вас под трамвай, вам на голову может упасть метеорит, террорист может захватить самолет, на котором вы летите, однако руководствоваться этими соображениями в повседневной жизни – едва ли хорошая идея. Большинство потенциальных рисков никогда не станут актуальными.

Во все времена люди чего-то боялись, но объект страха постоянно меняется. Сегодня в той части света, где мы живем, не многие боятся вечной гибели, однако все больше тех, кто боится рака, терроризма и экологической катастрофы. Новое британское исследование показало, что 50 % 11-летних британцев зачастую по ночам лишаются сна, поскольку испы-

тывают беспокойство из-за изменений климата²⁷. Когда я был маленьким, ядерная угроза была главным источником страха апокалипсиса. Я отношусь к последнему – по крайней мере, последнему на сегодняшний день – поколению, которое выросло, безоговорочно веря в то, что существует реальная опасность надвигающейся ядерной войны, в результате которой человечество может погибнуть. Выражение «ядерная зима» было составляющей нашего представления о будущем мира. В 1983 году более половины всех британских подростков были уверены, что увидят начало ядерной войны²⁸. Угроза применения ядерного оружия остается, в известной степени, частью сегодняшнего понятия о глобальной угрозе, однако в сознании большинства людей она уже не является тотальной, пусть даже некоторые весьма обеспокоены возможностью использования ядерного оружия террористами²⁹. Скорее, ядерное оружие стало единицей более широкого арсенала, представляющего собой не только ракеты дальнего действия, но и компактные бомбы, умещающиеся в кофре. Страшно представить, что маленький пластиковый пакет может разорваться и выпустить сарин в вагоне метро³⁰ или что бактерии сибирской язвы могут быть отправлены в обычном конверте. Вопрос в том, какую роль мы позволим этому страху играть в нашей жизни.

«Террорист» – это на сегодняшний день, вероятно, самый устрашающий образ. Терроризм, разумеется, не является неким принципиально новым явлением, однако он как нельзя лучше подстроился под глобализирующийся мир, в котором ничего не стоит вызвать страх. В глобализирующемся мире терроризм может нанести удар где угодно, поэтому сложно вообще определить какое-либо место как безопасное. Кажется, всякое место на планете, даже такое отдаленное, как Норвегия, не защищено от этой угрозы. Опрос, проведенный весной 2006 года после разразившегося скандала, связанного с карикатурами на пророка Мухаммеда, выявил, что 17 % опрошенных норвежцев в возрасте от 18 до 74 лет боялись стать жертвой атаки террористов. Это число соответствует приблизительно половине миллиона норвежцев, этот результат удвоился по сравнению с предыдущим годом³¹. Тем не менее вероятность быть убитым при террористической атаке остается ничтожно малой, к этому я еще вернусь в главе 6.

Если рассматривать ситуацию на планете в целом, то в последнее время заметны некоторые улучшения с той точки зрения, что количество гражданских войн, случаев геноцида и нарушений прав человека стало меньше³². Всякая статистика подтверждает, что в особенности западное общество, в котором мы живем, является самым надежным из когда-либо существовавших: здесь кроется меньше опасностей и наши возможности с ними справиться значительно шире, чем когда-либо. В действительности надо жить в практически тепличных условиях, чтобы испытывать страх в отношении всяческих потенциальных опасностей, которые могут обрушиться на голову. Все начинается с того, что мы пугаемся раз затем другой, но при достаточном количестве повторов и растущем распространении на различные явления, страх постепенно может стать основой жизненной позиции. В культуре, для которой характерна социальная дезинтеграция, страх присущ всем, он является общей для всех исходной точкой в отношении к жизни. Страх стал основной чертой нашей культуры в целом. Как пишет британский социолог Франк Фуреди: «В западном обществе влияние культуры страха становится все сильнее. Отличительной чертой этой культуры является убежденность в том, что людям противостоят могущественные, разрушительные силы, несущие в себе угрозу нашей повседневной жизни»³³. «Конец близок», это систематически утверждается, идет ли речь о неуправляемой генной инженерии или же о птичьем гриппе. Кроме того, преувеличивается важность всевозможных других, не столь значимых опасностей, которые, по сути, касаются абсолютно всех аспектов жизни человека.

Страх, без сомнения, является одним из важнейших инструментов продаж на рынке массмедиа, и его коммерческая ценность растет день ото дня³⁴. СМИ стараются запугать нас так, чтобы градус страха был неадекватно высок по отношению к его реальному источнику. Они забрасывают нас сообщениями о смертоносных вирусах, террористах, учителях-педофилах, зверствующим подросткам, экологических катастрофах и ядовитой еде. Значение СМИ так велико, что едва ли можно считать опасность или катастрофу «реальными», пока они не были освещены в СМИ. Влияние телевизионных программ действительно носит запугивающий характер. Люди, которые проводят много времени перед телевизором, больше, чем другие, склонны считать свой район небезопасным, верят в то, что преступность неуклонно растет, а сами они находятся в опасности³⁵.

Политика СМИ является одной из важнейших причин расцвета культуры страха, однако в то же время очевидно, что такая культура не могла бы развиваться, не будь мы восприимчивы к этой политике. Люди по природе своей весьма уязвимые создания. Мы приходим в мир, который не можем держать под контролем, словно обреченные на пожизненное экзистенциальное неведение. Тем не менее наш страх все меньше и меньше основывается на личном опыте. Много ли среди нас тех, кто подвергся атаке террористов, уличному насилию, серьезно заболел, употребив в пищу продукты, содержащие добавки, или подхватив новый вирус? Ответ таков: это касается меньшинства. Большинство из нас доживают до 70–80 лет и умирают от старости, не испытав на себе ничего из вышеперечисленного. Наша жизнь достаточно безопасна для того, чтобы мы получили возможность обратить свое внимание на целый ряд потенциальных угроз, которые, судя по всему, не станут реальностью, пока мы живы.

Наш страх – это побочный эффект благополучия. Однако это, разумеется, не делает его менее реальным.

Что такое страх?

Dolendi modus, timendi non item.

(страдание имеет предел, страх безграничен)

Фрэнсис Бэкон. «О смутах и мятежах», Эссе (1625)

Причина эволюционирования страха совершенно очевидна: существо, не наделенное способностью бояться, просто-напросто имеет меньше шансов на выживание и размножение по сравнению с существом, которое этой способностью обладает. Ясно, что страх часто помогает нам. Он приводит нас в состояние готовности и, таким образом, выручает нас в случае возникновения опасности или же вообще предотвращает нежелательную ситуацию. Страх защищает нас не только от хищников и других опасностей, таящихся в природе, но также и от тех опасностей, которым мы могли бы подвергнуться по своей вине, например не глядя ринуться через улицу, по которой несутся машины. Страх помогает нам выжить. Однако страх также может быть дисфункциональным. Он становится таковым, когда существует несоответствие между силой страха и объектом, его вызвавшим, или когда страх заставляет нас «терять голову». Прежде чем углубляться в вопрос о том, как нам следует относиться к собственным страхам, мы должны в первую очередь разобраться в том, что же такое страх. Я рассмотрю различные аспекты страха, от нейрофизиологии до феноменологии, и остановлюсь на позиции, согласно которой страх во многом может быть определен как *привычка*, обусловленная культурой.

Чтобы ответить на вопрос «Что такое страх?», мы, вероятно, должны сначала ответить на вопрос, что такое чувство вообще. Это не так-то просто. Слово «чувство» может употребляться для обозначения множества самых разных явлений – начиная от боли, голода и жажды и заканчивая гордыней, завистью и любовью, т. е. от чистой физиологии до сложных переживаний. Мы видим, что первые из названных величин являются в большей степени «физическими», в то время как последние являются в большей степени «ментальными» величинами. В английском языке различают «feelings» и «emotions», где первое является обозначением более «физических» чувств, а «emotions» – чувств, в большей степени ментальных. Конечно, необходимо отметить, что довольно долго и жарко ведутся дискуссии как раз по поводу того, какие именно критерии различия следует устанавливать между «feelings» и «emotions», а также какие состояния следует относить в ту или другую категорию. Некоторые различают эти категории «чувств» и «эмоций» и в норвежском языке. Что касается меня, то я предпочитаю избегать употребления норвежского слова «эмоция» и поэтому буду придерживаться выражения «чувства»³.

В этой главе я не стану много писать о чувствах в целом, а перейду непосредственно к страху, но тем не менее некоторые основные моменты и теории должны быть рассмотрены³⁶. Социальный антрополог Пол Экман приводит доводы в пользу того, что существуют некие базальные эмоции, т. е. эмоции, общие для людей из разных культур, эти эмоции не приобретенные, а врожденные³⁷. Похожую мысль можно встретить уже у Декарта. Сегодня многие разделяют эту позицию, однако в вопросе о том, сколько таких эмоций и какие именно, единого мнения нет. В большинстве случаев речь обычно идет о гневе, страхе, радости, отвращении и удивлении, однако полное согласие в том, что следует внести в этот список, не достигнуто. Поразительно, что в более чем 14 списках «базальных эмоций» нет ни одной эмоции, которая была бы включена во все списки³⁸. Даже если мы предположим, что суще-

³ См. предисловие переводчика стр. 11–12.

ствует некий набор базальных эмоций, то это совсем не обязательно поможет нам лучше понять эти эмоции, поскольку в различных культурах они могут проявляться по-разному³⁹. Традиции, присущие культуре, во многом определяют способ и силу проявления чувств и эмоций.

Чувства и эмоции часто понимаются как целиком и полностью внутренние состояния, доступные лишь испытывающему их субъекту только посредством своего рода интроспекции. Однако они суть не только скрытые, чисто психические величины, но являются также поведением, поступками и проявлениями, которые можно наблюдать со стороны. Они существуют в лицах и жестах, а не прячутся за ними. Чувства и эмоции – это способ бытия в этом мире, способ его охватить и действовать в нем. Исходя из того, что чувства и эмоции не могут быть отделены от своего проявления, а проявления чувств и эмоций фактически несколько варьируют от культуры к культуре, мы можем заключить, что также и сами чувства и эмоции зависят от культуры.

Феноменолог Морис Мерло-Понти утверждает, что между эмоцией и ее телесным проявлением существует тесная связь. Он подчеркивает, что эмоция не стоит за жестом и не сопровождает его, она включена в жест или *является жестом*:

*Возьмем жест гнева или угрозы: чтобы его понять, мне не нужно вспоминать чувства, которые я испытывал, когда сам жестикулировал так же. [...] с другой стороны, я не воспринимаю гнев или угрозу как психический факт, скрытый за жестом, я читаю в нем гнев, жест не приводит меня к мысли о гневе, он сам есть гнев*⁴⁰.

Разумеется, это не значит, что мы не можем скрыть эмоцию или что скрытая эмоция не «настоящая», однако скрытая эмоция обуславливает явную. Мерло-Понти считает, что эмоции, их проявления и соотношения между ними являются гибкими. Он утверждает, что проявления различных эмоций варьируют от культуры к культуре:

*Однако мимика любви и гнева у японца и западного человека различна. Точнее, различие мимики скрывает различие самих эмоций. Случайным по отношению к телесной организации является не только жест, но и сам способ принятия ситуации и жизни в ней*⁴¹.

По мнению Мерло-Понти, невозможно разделить «естественную» и «традиционную» составляющие в эмоциях и в ее выражении человеком – естественное и традиционное неразрывно соединены одно в другом. Сейчас есть основания полагать, что Мерло-Понти несколько преувеличивает значение произвольности в эмоциях и их проявлении, однако, его точка зрения отражает суть.

Многие эмоции имеют похожее физиологическое проявление. В одном из исследований, испытуемым показывали ряд фотографий и просили определить, какие эмоции испытывают изображенные на них люди. Большинство испытуемых определяли радостное, грустное и гневное выражение лица, однако очень немногие смогли распознать в лице испуг, который часто принимался за гнев, подозрительность или удивление⁴². Субъективные переживания этих эмоций, как правило, довольно однозначны, хотя стоит признать, что гнев, например, зачастую имеет примесь страха.

Невероятно сложно четко разграничить биологические, психологические и социальные аспекты чувств и эмоций. Хотя эмоции, несомненно, имеют биологическую основу, очевидно, что влияние на их формирование оказывают и личный опыт, и социальные нормы. Всякая эмоция имеет историю или, точнее, несколько историй. Они имеют историю в эволюции, социальную и личную историю, и нам следует учесть каждую из них, если мы хотим понять эмоции. Чувства и эмоции являются не просто «естественным» и непосредственным переживанием, они также воспитываются социумом⁴³. Уместность появления и демонстрации той или иной эмоции и чувства определяется нормами, которые варьируют от культуры к культуре, а также обуславливаются социальным статусом. Если провести параллель со

способностью к изучению языков, которая также является общечеловеческой и имеет биологическую основу, то мы тем не менее увидим, что семантические ресурсы варьируют от культуры к культуре и от индивида к индивиду. По всей видимости, то же самое можно сказать о чувствах и эмоциях. Чего и как сильно мы боимся, зависит от нашего отношения к жизни, от опасностей, которые нам угрожают, и от того, какими возможностями защиты от них мы располагаем. Наши знания об эмоциях и чувствах и наш опыт переживания являются зависимыми от социального контекста, в котором мы находимся.

Чтобы понять, что такое эмоция, можно отталкиваться от ее биохимического аспекта. Однако отличить страх от многих других эмоций, опираясь на биохимический анализ, довольно сложно, например, страх и гнев имеют очень схожий биохимический состав⁴⁴. Как мы увидим далее, не существует определенного физического состояния, которое являлось бы необходимым или достаточным условием для появления определенного эмоционального состояния, другими словами, два человека могут иметь одинаковые физиологические показатели, но эмоциональное состояние одного из них будет отличаться от эмоционального состояния другого, или же два человека могут иметь одинаковое эмоциональное состояние, но их физиологические показатели будут отличаться. Кроме того, различные варианты одной и той же основополагающей эмоции могут вызывать у одного и того же человека различные физические корреляции. Выявление страха на основании биохимического анализа осложняется тем, что различные виды страха имеют разные биохимические корреляции, т. е. человек, который боится подвергнуться насилию, как правило, имеет высокий уровень адреналина в крови, в то время как у человека, который боится заболеть, уровень адреналина, как правило, не повышается.

Некоторые реакции организма часто связываются с эмоцией страха, когда дыхание и сердцебиение учащаются или когда они, кажется, почти полностью остановились, когда человек начинает дрожать или когда все движения «сковываются». Физиологический механизм крыс и людей в этом случае работает практически одинаково: amygdala (отдел мозга, отвечающий за эмоциональные реакции) активизируется и начинает посылать сигналы в гипоталамус и гипофиз, которые дают команду надпочечной железе, и она начинает выброс гормонов стресса. Как и другие животные, мы реагируем на опасность интенсивной выработкой таких веществ, как адреналин и кортизол, нервные импульсы передаются быстрее и зрачки расширяются. Amygdala посылает сигналы с такой скоростью, что мы беспомощны и не успеваем оказать какого-либо рационального сопротивления.

Человеческий разум едва ли способен противостоять атаке страха. Монтень подчеркивает, что это касается даже того, кто лучше других слышит голос разума, а именно философа:

*Человек не может не начать моргать глазами, когда ему грозит удар. Он не может не задрожать всем телом, как ребенок, оказавшись на краю пропасти. Природе угодно было сохранить за собой эти незначительные признаки своей власти, которую не может превозмочь ни наш разум, ни стоическая добродетель, чтобы напомнить человеку, что он смертен и хрупок*⁴⁵.

Дэвид Юм подчеркивает, что даже ничтожно малая угроза, реальность которой едва ли можно вообразить, может вызывать страх⁴⁶. И это еще не все, продолжает он: нас может охватить страх перед тем, что, как нам известно, не может случиться, так бывает, когда стоишь на краю пропасти, хотя знаешь, что находишься в полной безопасности.

Нельзя просто одним волевым усилием избавиться от страха, однако страх можно подавить химическим способом, принимая лекарства, или со временем привыкнув к объекту, его вызвавшему. Стопроцентное исцеление от страха гарантируется, если вывести из игры amygdala, ведь известно, что люди с повреждениями amygdala не могут чувствовать страх, даже в ситуации, когда их жизни угрожает опасность⁴⁷. Кроме того, они не могут рас-

познать страх на лицах других людей⁴⁸. Тем же, у кого *amygdala* функционирует нормально, очень тяжело бороться с накатившим страхом. Нельзя просто решить не бояться и перестать бояться, здравый смысл в такой ситуации «нокаутирован» *amygdala*, но, как было отмечено выше, можно со временем научиться реагировать иначе.

Американский нейрофизиолог Джозеф Ле Ду считает доказанным, что в головном мозге находятся две четко определенные цепи нейронов, контролирующие эмоцию страха⁴⁹. Одна из них реагирует незамедлительно, но имеет, однако, тенденцию к сверхчувствительности и часто поднимает «ложную тревогу». Вторая более медлительна, но обрабатывает большее количество информации и может остановить первый приступ страха, если таковой окажется безосновательным. Тем не менее следует отметить, что и действие этой второй цепи есть не что иное, как физиологический процесс, – речь не идет о том, что субъект сознательно останавливает приступ страха. Если человек однажды был сильно напуган неким событием или объектом, то этим в дальнейшем его будет напугать еще проще. Постоянно повторяющееся переживание страха, кажется, способствует тому, что органы, участвующие в этом процессе, фактически развиваются, как будто происходит совершенствование способности организма чувствовать страх⁵⁰. В конце концов это может загнать организм в хроническое состояние страха или тревоги.

Подход Ле Ду и другие подобные позиции страдают одним существенным изъяном, они не принимают во внимание культурный аспект наших переживаний. Ле Ду, по сути, не очень интересны эмоции вне их чисто физиологического проявления, поскольку процессы, происходящие в головном мозге, и реакции организма считаются основополагающими, а осознаваемые эмоции являются не более чем следствием⁵¹. Это, однако, равнозначно тому, чтобы отвергать все, что отличает человеческие переживания от ощущений других животных. Мы можем поддержать философа Майкла Мейера в его утверждении, что эмоции – это «единственная в своем роде, но непостижимая точка, где люди сходятся с животными, а человеческая природа с природой»⁵². Исследование исключительно «животного» аспекта человеческих переживаний, которое мы видим, в частности, в подходе Ле Ду, не является удовлетворительной разгадкой этой непостижимой тайны. Страх у человека и у животного – тема, вызывающая много споров. К примеру, страх у крыс не является некоей когнитивной величиной (т. е. его возникновение совершенно не связано с рациональными суждениями, поскольку у крыс нет способности к таковым), однако страх человека связан с познанием, но тем не менее мы, как это ни парадоксально, подразумеваем одну и ту же эмоцию как у крыс, так и у людей⁵³. Я не претендую на решение этой парадоксальной задачи в данной работе.

С биологической точки зрения мы, как было сказано выше, во многом оснащены тем же самым механизмом страха, что и другие животные, однако наши когнитивные способности, речь и способность к отвлеченному мышлению дают нам совсем другой диапазон звучания. Заяц не боится хищника, который находится на другом континенте, и не беспокоится по поводу того, что в его еде остались инсектициды. Заяц боится того, что находится в непосредственной близости, здесь и сейчас. Главное отличие человеческого страха от страха животного прежде всего заключается не в физиологии, а в причине, способной его вызвать. Аристотель писал: «Мы боимся, разумеется, чего-то ужасного, и это, вообще говоря, является злом. Именно поэтому страх определяют как ожидание зла. Таким образом, мы страшимся всяких зол, например бесславия, бедности, неприязни, смерти»⁵⁴. Все, о чем пишет Аристотель, едва ли напугает кого-нибудь, кроме человека. Значит, человеческий страх коренным образом отличается от страха животного. Мартин Хайдеггер развивает эту мысль дальше и пишет, что «лишь сущее, для которого дело в его бытии идет о нем самом, способно страшиться»⁵⁵. Под этим он подразумевает, что лишь такие создания, кото-

рые способны оценивать свое существование, способны испытывать страх, из чего следует, что страх присутствует только в жизни человека. Безусловно, это сильно сказано, поскольку между тем, что мы называем страхом человека, и подобным состоянием животного существует прочная преемственность.

Аристотель определял человека как *zoon logon echon*. Это часто переводят как «рациональное животное», однако дословно это можно перевести как «сущее, обладающее речью». Человек использует речь, символы, чего животное делать не может. Человек, в отличие от более примитивных животных, обладает способностью создавать символы, понятия и общаться с их помощью. Способность создавать понятия дает нам некоторую независимость от мира, ведь мы можем заменить предмет его символом. Философ Эрнст Кассирер пишет: *Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, запутанная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть. Человек уже не противопоставлен реальности непосредственно, он не сталкивается с ней, так сказать, лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая деятельность человека. Вместо того чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника. Так обстоит дело не только в теоретической, но и в практической сфере. Даже здесь человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он живет, скорее, среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез. «То, что мешает человеку и тревожит его, – говорил Эпиктет, – это не вещи, а его мнения и фантазии о вещах»⁵⁶.*

Мы, люди, можем бояться чего угодно. Наш страх имеет гораздо больший потенциальный размах, чем у любого другого животного, именно потому, что мы – *animal symbolicum*. Как только мы слышим об опасности, какой бы далекой она ни была, мы часто видим в ней угрозу самим себе. Не в последнюю очередь мы придумываем множество мнимых опасностей, и в этом одна из важнейших причин того, что люди совершают преступления и причиняют друг другу зло. Как пишет Эрнест Беккер:

Люди – несчастные создания, поскольку они осознали смерть. Они могут увидеть зло в том, что их ранит, что вызывает болезнь, или даже в том, что лишает удовольствия. Осознание несет за собой также озабоченность, связанную со злом, даже в случае отсутствия непосредственной опасности; их жизнь превращается в размышление о зле, планомерную деятельность по контролю над ним и его предотвращению. Результатом является одна из величайших трагедий человеческого бытия, то, что можно назвать потребностью к «фетишизации зла», к локализации угрозы жизни в особые зоны, где ее можно ослабить и держать под контролем. Трагедия в том, что очень часто все зависит просто от случая: люди воображают, что зло есть там, где его нет, видят его во всем и уничтожают себя и других, сея вокруг бессмысленные разрушения⁵⁷.

Страх, безусловно, может стать причиной агрессии. Этим Фукидид объясняет причину Пелопоннесской войны: спартанцы боялись того, что афиняне становятся все более могущественными и поэтому представляют все большую угрозу⁵⁸.

Эмоции тесно связаны с особыми поведенческими реакциями, и можно привести доводы, в пользу того, что они выработались в процессе эволюции потому, что были полезны⁵⁹. Реакцией на страх обычно является бегство или нападение. Но не всегда. Некоторые чувства и эмоции таковы, что важно именно не демонстрировать их. Название одной

из песен Моррисси – «We hate it when our friends become successful»*, и это зачастую соответствует действительности. Завистливость, не в последнюю очередь зависть к другу, является одной из самых неприглядных человеческих черт, и поэтому было бы разумно прятать ее как можно глубже. Как замечает Франсуа Ларошфуко, «люди часто похваляются самыми преступными страстями, но в зависти, страсти робкой и стыдливой, никто не смеет признаться»⁶⁰. Все мы, вероятно, были когда-либо страстно влюблены, но не выдавали своих чувств ни взглядом, ни жестом, поскольку слишком многое было поставлено на карту. А как быть, если окажешься в опасной ситуации, такой, что от страха живот сводит, но в то же время понимаешь, что просто нельзя позволить себе показывать страх, поскольку ситуация от этого только ухудшится. Было бы нелепо утверждать, что человек в таких случаях не испытывает определенной эмоции просто потому, что он не выражает ее определенным действием. Эмоции *мотивируют* к действию, но не определяют его.

Страх часто мотивирует бегство, но порой он пронизывает насквозь, что может в полном смысле слова парализовать человека. Лукреций описывает этот феномен в «*О природе вещей*» в книге 3:

Если же дух потрясен сильнейшей тревогой,
мы видим,
Что и душа целиком то же самое чувствует
в теле:
Пот выступает на нём, бледнеет вся кожа,
немее
Оцепенелый язык, заплетается речь, застилает
Мраком глаза, звон в ушах, подкосились
колени, и видно
Часто нам, как человек от ужаса падает
наземь⁶¹.

Тот, кто боится, как правило, пытается уйти от того или избежать того, что, по его мнению, представляет угрозу для жизни, здоровья или интересов. Типичной поведенческой реакцией страха, следовательно, является бегство, попытка оказаться как можно дальше от источника страха, на безопасном расстоянии, вне досягаемости. Бегство не следует понимать буквально, в пространственном значении, т. е. совсем не обязательно речь идет о том, чтобы бежать прочь, также можно создавать барьер между собой и источником опасности, например защищаться руками или прятаться за дверь. Главное в том, что человек так или иначе пытается принять такое положение, при котором ему нельзя причинить вред.

Обычно мы понимаем это так: тело определенным образом реагирует на испытанную эмоцию. Теория, переворачивающая такое понимание, называется теорией Джеймса-Ланге, по имени философа Уильяма Джеймса и физиолога и психолога Карла Георга Ланге. Между теорией Джеймса и теорией Ланге существуют некоторые различия, однако основная мысль та же, а именно: не эмоция является причиной физиологических изменений, а наоборот. Ты плачешь не потому, что тебе грустно, тебе грустно потому, что ты плачешь⁶². Таким образом, ты бежишь от опасности не потому, что тебе страшно, – тебе страшно потому, что ты бежишь от опасности.

В 1927 году физиолог У.Б. Кеннон выступил с критикой теории Джеймса-Ланге, указав, что одни и те же физиологические изменения происходят как при самых разных эмоциональных состояниях, так и при состояниях, с эмоциями не связанных⁶³. Кроме того, он показал, что люди, поведение которых соответствует определенному переживанию, а также сообща-

ющие об этом переживании, не имеют физиологического состояния, которое обычно связывается с данным переживанием. Более поздние эксперименты, в которых делались попытки установить необходимую связь между эмоциональным и физиологическим состояниями, не увенчались успехом.

Физического чувства взвинченности самого по себе недостаточно для того, чтобы я интерпретировал его как, например, страх, гнев или скорбь. Чтобы четко распознать в нем определенное психическое чувство или эмоцию, требуется нечто большее. В начале шестидесятых годов прошлого века психологи Стэнли Шахтер и Джером Сингер выдвинули гипотезу, которая основывалась как на теориях Джеймса, Ланге, так и на теории Кеннона⁶⁴. В соответствии с их теорией о так называемой *cognitive labeling*⁴ как изменения в организме, так и их когнитивная интерпретация необходимы для переживания определенной эмоции. Согласно этой теории субъект будет испытывать гнев, почувствовав, что сердце бьется быстрее, что дыхание участилось и т. д., и сочтя, что гнев – это адекватная реакция на сложившуюся ситуацию. То же происходит в случае, когда человек испытывает страх. Похоже, что выбор в пользу страха или гнева определяется ситуацией, точнее говоря, тем, как субъект, он или она, истолкует ситуацию, в которой находится. Два субъекта, находящиеся в одной и той же ситуации и одинаковом физическом (с точки зрения биохимии) состоянии, могут чувствовать соответственно страх или гнев в зависимости от того, как они интерпретируют ситуацию. И разумеется, они оба могут быть правы. Эмоция «живет» не сама по себе, она зависима от ситуации, в которой переживается, и от интерпретации этой ситуации субъектом.

Проблемой в теории *cognitive labeling* является то, что, судя по всему, она предполагает наличие определенной последовательности: сначала происходит изменение в организме, появляется «физическое» ощущение, затем оно становится «психическим» на основании конкретной интерпретации. Однако разве мы зачастую не сталкиваемся с тем, что в первую очередь возникает интерпретация, затем возникает эмоция интерпретации, т. е. человек истолковывает ситуацию определенным образом (к примеру, как ситуацию, в которой нормальной реакцией была бы злость, ревность или страх) и только потом возникает эмоция?

Возникающие у человека эмоции, похоже, главным образом зависят от характера представления и интерпретации человеком ситуации или объекта. Однако в то же время представление и интерпретация не являются решающими в случае, когда человек воспринимает объект по-другому, но эмоция, которую вызывает этот объект, остается прежней. Ребенком, я считал, что пауки очень опасны, и ужасно их боялся, особенно после того, как моего брата укусил паук. Позднее я узнал, что большинство пауков относительно безвредны, во всяком случае, в наших краях, однако страх все еще жил во мне. С годами он уменьшился, но я не верю в то, что когда-нибудь совершенно избавлюсь от этой арахнофобии. Пожилая женщина может бояться быть ограбленной подростками на улице, поскольку многочисленные статьи в газетах уверили ее в том, что это происходит постоянно. Ее можно проинформировать о реальном положении вещей, о том, что такие ограбления фактически происходят крайне редко, после чего, она умом поймет, что напрасно так боится быть ограбленной на улице. Тем не менее весьма вероятно, что страх все так же всякий раз будет просыпаться в ней при виде подростков, идущих по тротуару ей навстречу. Кто-то может бояться летать на самолете, даже если он или она убеждена в том, что это весьма безопасно. Это, судя по всему, противоречит теории, говорящей в пользу того, что представление играет важнейшую роль в возникновении того или иного чувства и эмоции, поскольку представление об объекте и эмоциональная реакция на объект идут вразрез. Другой пример: моя мать при виде мыши

⁴ Когнитивной метке.

реагирует всегда одинаково, она вскакивает на журнальный столик и визжит во все горло, именно так, как это принято изображать в карикатурах. Однако она не считает, что мышь способна причинить ей вред. По сути, она никогда так не считала. Тем не менее утверждение, что она не испытывает страх потому, что не считает, что мышь причинит ей вред, абсурдно. И это не укладывается в рамки когнитивной теории.

Возможное решение этой проблемы состоит в том, что представление человека об объекте или ситуации изменилось не до конца, а, скорее, старое представление существует наряду с новым, т. е. в противоречие вступают не представление и эмоции, а два противоположных представления, одно из которых имеет более насыщенную эмоциональную окраску⁶⁵. Сосуществование двух противоречащих представлений в нашем сознании – это факт, с которым мы нередко сталкиваемся, принимая как А, так и не-А, к примеру, когда мы думаем, что отбросили некое представление, однако оно не исчезло.

Кроме того, случается, мы ошибаемся в оценке наших собственных чувств и эмоций⁶⁶. Это может показаться странным, поскольку наши представления в столь значительной мере влияют на чувства. Всем нам приходилось, думая, что в некоей ситуации мы испытываем чувство Х, впоследствии обнаружить, что это, скорее, было чувством Y. Собственное «Я» не до конца доступно нам самим, и, бывает, мы себя обманываем в том, что касается собственных чувств и эмоций, например не желая признаваться себе в том, что определенным поступком руководило неподобающее чувство. Эти ошибки происходят время от времени, но, как правило, мы все-таки не ошибаемся. Ведь необходимым условием для того, чтобы вообще говорить об ошибке в этом контексте, является возможность в целом правильно определять чувства и эмоции – если это не так, то об «ошибке» говорить просто бессмысленно.

Эмоции дают знания о мире. Или, говоря точнее, не испытывая эмоций, многого в окружающем мире мы не увидим и не поймем. Эмоция содержит представления. Эти представления касаются не только фактических обстоятельств – например, медведь приближается ко мне, когда я путешествую по островам Свальбарда, – но и их оценку: этот медведь опасен. Я вижу в этой ситуации опасность. Мой пульс ускоряется, дыхание учащается, меня слегка бьет дрожь. Сами по себе эти физические изменения не гарантируют, что я испытываю сейчас именно страх, поскольку другие эмоциональные состояния могут сопровождаться точно такими же физическими явлениями, сексуальное возбуждение к примеру. Именно мое восприятие ситуации как опасной вызывает во мне страх. С другой стороны, если бы я не обладал способностью бояться, то не воспринял бы ситуацию как опасную.

Страх всегда имеет интенциональный объект. Он всегда на что-то направлен. Если нет такого объекта, то речь не может идти о страхе, остается только сердцебиение, учащенное дыхание и дрожь. Страх не сводится к этим физиологическим процессам, он является чем-то большим, и это «большее» и есть интенциональный объект. Интенциональный объект всегда интерпретирован. Отличие страха от гнева, грусти или радости заключается не в объекте как таковом, а в его интерпретации. Один и тот же объект может быть истолкован по-разному и являться источником всех вышеперечисленных эмоций. Если я вижу в объекте угрозу, то чувствую страх, если тот же объект истолковать как оскорбление, то это может вызвать гнев и т. д. Страх появляется, когда нам кажется, что опасность велика, а возможность ее избежать мала.

Случается, что человек, находясь в состоянии, подобном страху, не знает, чего боится. Вероятно, что такое состояние следует определять как тревогу. Переживание страха сродни переживанию тревоги. Оба содержат в себе представление об опасности или о возможных негативных последствиях. Опасность или угроза последствий могут быть достаточно конкретными или весьма неопределенными. Обычно страх и тревогу различают именно по этому критерию: страх имеет конкретный объект, тревога его не имеет. Такой принцип разделения, как правило, связывают с именами Кьеркегора и Хайдеггера, хотя его предтеча

обнаруживается в трудах Канта: «Страх перед предметом, который угрожает нам неопределенным злом, – это боязливость»⁶⁷. Ключевым моментом является неопределенность. Если человека, испытывающего страх, спросить, чего он боится, то в целом он сможет дать довольно четкий ответ. Если же у него спросить, чего он хочет в данный момент, то мы также получим в целом четкий ответ, а именно: чтобы источника страха не было, быть защищенным от него или что-либо в этом роде. Человек, мучимый тревогой, напротив, не сможет четко ответить на эти вопросы.

Надо признать, что на практике разницу между тревогой и страхом увидеть не так просто, как в теории, прежде всего потому, что страх также связан с элементом неопределенности, как восприятия самого объекта, так и возможностей дальнейшего развития ситуации: ты испытываешь страх перед определенным объектом, однако не понимаешь, что именно тебя в нем пугает, и не знаешь как на него реагировать. Для многих видов фобий также характерно наличие объекта, т. е. человек знает, чего он боится, однако остается неопределенным то, как объект может влиять на его жизнь. Я не стану подробно останавливаться на том, как следует – или возможно ли в принципе – проводить четкую границу между страхом и тревогой, а буду придерживаться традиционного критерия различия между ними, т. е. наличия или отсутствия конкретного объекта.

Когда мы говорим о том, что страх всегда имеет интенциональный объект, это не значит, что этот объект всегда *реален*. Большинство из нас, вероятно, в детстве боялись всяких чудищ и верили, что кто-то прячется в шкафу или под кроватью, – когда я был маленьким, то считал, что в душе возле спальни моих родителей обитает привидение, мне было по-настоящему страшно, ведь чтобы добраться до родителей ночью, когда мир таит в себе столько опасностей, я должен был миновать ванную комнату. В действительности не было никакого чудовища ни в шкафу, ни под кроватью, ни в ванной комнате, но тем не менее это не означает, что страх не имел объекта – объектом было именно то чудище, которое, как я воображал, там находилось. Воображаемый объект, так же как и реальный, может быть интенциональным объектом. Если я в кинотеатре смотрю фильм и некий образ пугает меня, то это не потому, что я верю в реальное существование этого образа⁶⁸. Я могу отличить фантазию от реальности, и я полностью согласен с тем, что устрашающий образ вымышленный. С той же уверенностью можно сказать, что мой страх имеет интенциональный объект, а именно – вымышленный образ.

А как насчет страха «неведомого»? Элиас Канетти писал: «Ничего так не боится человек, как непонятого прикосновения. Хочется увидеть, что тебя коснулось, хочется узнать или, по крайней мере, догадаться, что это»⁶⁹. Подобной мыслью Говард Ф. Лавкрафт начинает свое замечательное эссе «Сверхъестественный ужас в литературе»: «Страх – самое древнее и сильное из человеческих чувств, а самый древний и самый сильный страх – страх неведомого»⁷⁰. Страх «неведомого» не лишен объекта. Скорее, в данном случае речь идет о страхе перед неопределенным предметом, однако страх *чего-то* является полноценным страхом. Это страх того, что может произойти что-то неприятное или ужасное.

Некоторые эмоции призваны сообщать нам некую информацию о действительности. Страх является одной из таких эмоций. Таким образом, его можно рассматривать как средство познания. Всякое средство познания может работать адекватно или же давать сбой. Мы знаем, что от интерпретации субъектом ситуации зависят эмоции, которые субъект будет испытывать в этой ситуации. Некоторые интерпретации могут быть неадекватными, и следствием этого станет неадекватная эмоциональная оценка ситуации. Аристотель писал: «Заблуждение возникает потому, что страшатся или не того, чего следует, или не так, как следует, или не тогда, когда следует, или еще из-за чего-нибудь такого»⁷¹. Если я, к примеру, боюсь летать на самолете, но не боюсь ездить на машине, поскольку я полагаю (ошибочно),

что полет на самолете опаснее поездки на машине, то и мой страх будет неадекватным. Я также могу испытывать слишком сильный страх по отношению к объекту, который сопряжен с некоторой опасностью, однако интенсивность моего страха может выходить за все разумные границы. Большинство людей расценивают это как интуитивное чутье. Они, кажется, считают, что страх можно оценить рационально, т. е., что эмоция страха может быть верной или ошибочной. Эмоция страха дает адекватное представление, если его объект опасен, а между степенью опасности и интенсивностью страха есть разумное соотношение. Однако совсем не просто разобраться, что понимать под этим разумным соотношением. Очень часто между оценкой различных опасностей аналитиками рисков и игроками существует серьезная разница, к этой теме мы еще обратимся в следующей главе.

Принято считать, что страх мешает мыслить рационально. Монтень писал, что «нет другого такого чувства, которое так быстро способно вывести наш рассудок из равновесия», как страх⁷². Эдмунд Бёрк разделяет эту позицию, утверждая, что ничто, кроме страха, не лишает сознание всякого здравого смысла с такой непревзойденной эффективностью⁷³. Хайдеггер также подчеркивает, что в состоянии страха «теряешь голову». Пример, который он приводит, это поведение людей во время пожара, они выносят из горящего дома первое, что попадется под руку, зачастую какую-нибудь малозначащую вещь⁷⁴. Как сказано выше, различные чувства и эмоции тесно связаны с определенными моделями поведения, и когда нас охватывает некое чувство или эмоция, эти заданные модели поведения способны блокировать всякое рациональное суждение или, точнее говоря, рациональное мышление не вписывается в модель поведения, т. е. человек не оценивает последствия своих действий. Поступки, совершаемые под непосредственным воздействием эмоций, могут отличаться от того, как бы мы поступили, поразмыслив как следует.

Множество подобных описаний негативного влияния эмоций, и в особенности страха, на наше поведение дают повод считать, что «чистая» рациональность, не затуманенная какой-либо эмоцией, была бы для нас предпочтительней. Тем не менее есть основания утверждать, что отсутствие эмоций также привело бы к иррациональному. Как сказано выше, люди с серьезными повреждениями *amygdala* не могут чувствовать страх, даже когда их жизни угрожает опасность⁷⁵. Они будут действовать иррационально, поскольку опасное не воспринимается как *опасное*, и следовательно, не вызывает рациональной реакции защиты или избегания. Отсутствие эмоций, другими словами, лишает нас знания, необходимого для выбора рационального поведения.

Страх всегда содержит в себе протенцию, проекцию будущего, связанного с болью, ущербом или смертью. Аристотель писал, что «страх – некоторого рода неприятное ощущение или смущение, возникающее из представления о предстоящем зле, которое может погубить нас или причинить нам неприятность»⁷⁶. Позже и Гоббс определял страх как ожидание плохого в будущем⁷⁷. Адам Смит писал, что страх говорит не о том, что мы фактически чувствуем в настоящий момент, а о том, что мы можем испытать в дальнейшем⁷⁸. Речь идет не только об опасном объекте или событии, которого необходимо избежать. Суть страха в ожидании негативной ситуации в будущем. Но не каждая ожидаемая негативная ситуация вызывает страх. Что-то должно быть поставлено на карту.

Всякий страх – это страх перед тем, что происходит, произошло или произойдет. Необязательно верить в то, что страхи фактически воплотятся в реальность. Можно бояться чего-то, и при этом верить в то, что этого *не* произойдет. Например, слыша раскаты грома, можно испугаться удара молнии, пусть даже в этот момент осознаешь, что подобное вряд ли может произойти. Страх, по всей видимости, связан с неуверенностью. Об этом писал Дэвид Юм: «Очевидно, что то же самое событие, которое, будучи достоверным, породило бы печаль или радость, всегда возбуждает страх или надежду, если оно только маловеро-

ятно или недостоверно»⁷⁹. Аристотель утверждает, что страх всегда связан с надеждой: «Для того чтобы испытывать страх, человек должен иметь некоторую надежду на спасение того, за что он тревожится; доказательством этому служит то, что страх заставляет людей размышлять, между тем как о безнадежном никто не размышляет»⁸⁰. Фома Аквинский придерживается того же взгляда и считает, что осужденные на вечную погибель не будут знать страха, поскольку нет никакой надежды на спасение: «Страх никогда не бывает лишен мало-мальской надежды на счастливый исход. Однако невозможно, чтобы осужденные питали надежду, поэтому они не могут знать страха»⁸¹. Действительно ли страх предполагает надежду? Это сомнительное утверждение. Предположим, что я заперт в горящем доме, вдали от пожарной станции и всех, кто мог бы мне помочь, и не видно никаких возможных путей спасения. Неужели я перестану бояться огня, наступающего все ближе и ближе и в конце концов окружившего меня со всех сторон, пусть даже у меня не осталось ни капли надежды на спасение? Последователь Аристотеля на это ответит, что я, несмотря ни на что, сохранил крупицу надежды вырваться из огненной блокады, уповая на Божественное вмешательство, благодаря которому огонь не коснется меня, или же неожиданно придет помощь. Однако трудно найти убедительный пример, которым мог бы воспользоваться последователь Аристотеля для подкрепления этого утверждения – вероятнее всего, оно было бы высказано без дополнительных подтверждений, а исключительно с целью спасти теорию о том, что страх предполагает надежду. Едва ли эмоция страха всегда предполагает надежду. С другой стороны, утверждение, что страх, *как правило*, связан с надеждой, имеет полное право на существование. Во многом это обусловлено тем, что абсолютно безнадежные ситуации складываются довольно редко – почти всегда существует возможность, какой бы незначительной она ни была, что ситуация разрешится не так, как того боишься.

Фома Аквинский отмечает: «Всякий страх является следствием любви к чему-либо»⁸². Страх вызывает то, что так или иначе угрожает жизненным ценностям. Это может быть угроза жизни, здоровью, дружеским или любовным отношениям, угроза социальному статусу и т. д. Страх одного рода может вытеснять страх другого рода. Страх потерять лицо может быть сильнее страха получить физическое увечье, поэтому, будучи детьми, мы вставали на лыжи и, бросая друг другу вызов, забирались на все более крутые склоны, и наши прыжки становились все более опасными – и результатом дня, проведенного на горе, было тело, покрытое синяками. Или в случае, когда солдаты пренебрегают страхом пасть в бою, поскольку еще сильнее боятся потерять лицо перед своими товарищами. С этой точки зрения «смелые» поступки могут фактически обуславливаться страхом⁸³. В любом случае желание является центральным во всякого рода страхах – ты можешь бояться X только в том случае, если ты хочешь не-X. В этом желании человек ощущает себя поставленным в ситуацию, которую не может контролировать полностью.

Чувства и эмоции – парадигматический пример аффективной стороны нашей жизни. Другое слово, обозначающее чувства, – «страсти». Это слово происходит от греческого *pathos*, по-латыни *passio*, что значит «быть страждущим». Это «страдание» прежде всего обозначает не боль, а пассивность, показывает, что человек подвергается чему-либо, что-то с ним происходит. Аристотель различает *praxis* и *pathos*, т. е. «воздействовать» и «подвергаться воздействию»⁸⁴. Чувства рассматриваются не как нечто рождающееся само собой, а как то, что человек, в некотором смысле, принимает⁸⁵. Нельзя просто-напросто выбрать чувство или эмоцию. Если человек грустит или напуган, он не может просто выбрать и принять другое, более подходящее чувство или эмоцию. Мы можем воздействовать на наши эмоции не напрямую, к примеру погрузившись в ситуацию, в которой определенная эмоция обычно возникает. Также мы обладаем известной способностью допускать эмоции или подавлять их. Не в последнюю очередь каждый из нас может работать со своими чувствами и эмоци-

ями и направлять их. Тем не менее ясно, что чувства и эмоции не могут легко следовать нашей воле.

Испытывать некую эмоцию – значит испытывать на себе влияние некоей ситуации, в которой оказываешься. Всякое человеческое познание обусловлено ситуацией, в которой происходит познание, и глубинной основой этой ситуации является аффективная сфера. Можно сказать, что эмоция является условием для того, чтобы объект в заданной ситуации приобрел какое-то значение. Чтобы объект мог быть отнесен к разряду пугающих, смешных или скучных, ситуация, в которой происходит встреча с объектом, должна иметь соответствующую эмоциональную окраску. Говоря словами Хайдеггера, страх обнаруживает основополагающую *расположенность* жизни человека⁸⁶. Термином «расположенность» Хайдеггер стремится описать, что это значит, *находиться* в этом мире. Находиться в мире, значит быть выпущенным в мир, познавать мир как место, заключающее в себе значимые и несущественные объекты. Эта расположенность имеет в своей основе эмоциональный характер, т. е. именно чувство наделяет объекты смыслом и именно чувство, по сути, делает возможным сопричастность миру. По

Хайдеггеру, мы в основном имеем дело с вещами необходимыми, но в некоторых случаях мы смотрим на них как на «непригодные, неподатливые или опасные»⁸⁷. Это становится возможным только потому, что природа нашей расположенности позволяет вещам воздействовать на нас подобным образом. Именно расположенность делает возможным то, что мы вообще можем воспринимать что-то как опасность. Чувства, согласно Хайдеггеру, не являются чисто субъективными, но скорее «есть основной способ нашего пребывания вне самих себя»⁸⁸. В то же время они говорят нам о нас самих. Он пишет:

Чувство – это способ, с помощью которого мы обнаруживаем себя в нашем отношении к сущему и тем самым одновременно в нашем отношении к самим себе; это то, каким образом мы одновременно настраиваемся на сущее, которое не есть мы, и на сущее, которое есть мы сами. В чувстве раскрывается и остается открытым то состояние, в котором мы состоим в отношении к вещам, к самим себе и к окружающим нас людям. Чувство само по себе есть такое открытое себе самому состояние. [...] Теперь важно лишь понять, что чувство имеет свойство раскрываться и сохранять состояние открытости, и поэтому, в зависимости от его вида, оно также обладает свойством сокрытия⁸⁹.

Чувства и эмоции открывают путь к тебе самому и к миру вокруг тебя, но эта их особенность имеет и обратную сторону – они также могут и заслонять, давая тебе неправильное представление, как о самом себе, так и об окружающем мире. Хайдеггер, по всей видимости, считает, что страх, как правило, является заслоняющей эмоцией.

Мы боимся всегда того или другого конкретного сущего, которое нам в том или ином определенном отношении угрожает. Боязнь перед чем-то касается всегда тоже чего-то определенного. Поскольку боязни присуща эта очерченность причины и предмета, боязливый и робкий прочно связан вещами, среди которых находится. В стремлении спастись от чего-то – от этого вот – он теряется в отношении остального, т. е. в целом «теряет голову»⁹⁰.

Анализируя страх, Хайдеггер полагает, что то, чего боишься, еще не свершилось, это то, что представляет собой приближающуюся вероятную угрозу. Он пишет, что пугающий объект «излучает вредоносность»⁹¹. Главное в том, что эта вредоносность еще не воплотилась в реальность и существует возможность, что этого не произойдет вовсе. Таким образом, страх тесно связан с неведением. Это неведение можно рассматривать как основную

характеристику бытия человека. В страхе обнажается сущность моего бытия, а именно тот факт, что я уязвим и в конечном счете предоставлен самому себе⁹². Страх показывает мне самого себя и в то же время заслоняет меня от меня самого. Выше я уже отмечал, что страх всегда содержит проекцию будущего. Хайдеггер, со своей стороны, отмечает также *сиюминутность* страха, т. е. человек оказывается запертым в ситуации и с этой точки зрения теряет свободу. Он пишет: «Временность страха есть ожидающе-актуализирующее забывание»⁹³. Забываешь сам себя, точнее: свои возможности. Суть в том, что будущее как область реализации возможностей сужается, в то время как человек целиком и полностью концентрируется на актуальной опасности. Человек теряет себя, когда его вниманием полностью завладевает непосредственная угроза. Чувство, такое, как страх, – это способ бытия в мире. С другой стороны, в мире, которого страшишься, никогда не почувствуешь себя как дома.

Согласно Хайдеггеру, человек в состоянии страха перестает видеть собственные возможности. Жан-Поль Сартр, со своей стороны, утверждает, что необходимо восстановить собственные возможности, чтобы вырваться из оков страха: «обращаясь к своим собственным возможностям, я избавляюсь от страха»⁹⁴. Взгляд Сартра на чувства и эмоции вообще, и в особенности на страх, сильно отличается от подхода Хайдеггера. Для Сартра всякая эмоция, в определенном смысле, является выбранной, и поэтому она не может в полной мере исключить область возможностей. Сартр рассматривает эмоции как интенциональные стратегии. По его мнению, при помощи чувств мы пытаемся изменить мир путем его «магической трансформации». Это видно из анализа страха, где утверждается, что страх есть интенциональная стратегия, при которой субъект пытается устранить объект «магическим» образом. Ясно, что эта магия действует не так уж часто, поскольку объект редко пропадает просто потому, что его боишься. Когда магическая стратегия не срабатывает, субъект обращается в бегство. Таким образом, страх не является причиной бегства, как это принято считать, и бегство вовсе не является причиной страха, как утверждает теория Джеймса-Ланге, скорее, бегство – это просто замена страха, который не вызывает магическую трансформацию, интендированную субъектом⁹⁵.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.